

КВАРТАЛ ПЕРВЫЙ

содержащий необходимое читателю разъяснение и объясняющий причину, по которой устроены кварталы и их улицы

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О долженствующих пред чтением сей книги очищении души и подготовке ее к принятию и о том, что очищает и prepares ее

Мы скажем: поскольку высшее достоинство души заключается в обретении ею второго совершенства, то есть вечного счастья, и пребывания (*бақā'*) рядом со Всевышним и Славным Творцом, а сие второе совершенство обретает она двумя путями: во-первых, очистившись от природных пятен и природного мрака, кои суть гнев, притеснение, алчность, немилосердие и прочие присущие ей по природе пороки, дабы, освободившись от сих подлых черт, соответствовать тому, что изливает на нее самость ее, когда она запечатлевает божественные формы, и испытать благотворное действие оных, будучи к ним подготовленной и им соответствующая; а во-вторых, запечатлевая формы божественных знаний, то есть обнимающая предшествующие ей в бытии Сотворенные и Эманационные Разумы, а также тела небесные и земные, дабы тем достигнуть границы, где, оного формы запечатлев, стать таким же Разумом, как и ею запечатленные, и ни в чем с последними в сем отношении не различаться; и поскольку первоначально душа еще не очище-

на и не подготовлена к принятию Божественных благодатей, кои суть разумные формы, доставляющие ей совершенство (подобно металлам, не достигшим ступени своего совершенства, каковая состоит для них в том, чтобы быть золотом, и могущим принять дающую им совершенство выделку лишь при двух условиях: во-первых, когда очистят их от приставшей грязи и подготовят их, расплавляя льющимся на них огнем, дабы размягчились части их и подготовились они принять даваемую им выделку, каковая и поставит их на ступень совершенства; и во-вторых, когда дадут им затем сию выделку, дабы оной соответствовать им и внутри, и снаружи),— следовательно, начинающий (*мурīд*) должен прежде всего строго блюсти все то, что очищает и prepares душу, а затем приступить к запечатлению (*тасавуф*), дабы, очистив душу свою, подойти к искомому и запечатлеть оное и принять его благодатное воздействие (подобно благодатному воздействию выделки на расплавленное тело), иначе же ничего ему не удастся, как не удастся ученику выделать тело, не расплавив его огнем. Своя дорога легка, а чужая трудна и опасна.

Поскольку сия книга наша те две вещи, коими достигается совершенство и счастье души, собирает воедино, преподавая божественные науки, что оформляют и чеканят душу и делают ее саморазумеющей (*'āқиля ли-зāти-ха*), так что, познав их, возносится душа над всеми ступенями своими, и поскольку все это бесполезно для души не очистившейся, прежде чем пуститься в путь свой и припасть к живительным источникам, не исправленной упражнением в следовании начертаниям Законов и управления (*сийса*)¹, души, не прикрытой одеянием поклонения и не знающей границ свидетельствования (*худūd аш-шахāда*)², читатель должен прежде упражнять душу свою, очищая, preparing и исправляя ее в делах поклонения, коих обряды сообщены Мухаммедом-Избранником (да благословит и приветствует его Бог!), ведь как огонь расплавляет металлические тела, когда обретают они свое совершенство, так и дела сии способствуют исправлению души, очищению и упражнению ее и оздоровлению субстанции ее. Он также должен прежде оживить ее исполнением религиозных предписаний и законов и подчинить ее власти пророка (да благословит и приветствует его Бог!), главы общины и предводителя пра-

ведных, а также замещающих его имамов (мир им!), дабы приучилась она к Законоустановленному и уподобилась бы страстотерпцу, который не способен совершить желаемое, если то не разрешено; а также должен он свершать поклонение в обоих его видах. Лишь тогда будет книга сия полезна читателю, и только тогда он, читая ее и внимая нашим речам, уподобится пресной воде, в которой сахар, растворяясь, являет вкус свой и улучшает свойства ее, а не воде соленой, в которой сахар только пропадает, ибо соленость побеждает сладость.

А сказали мы, что Законом установленные деяния, то есть поклонение, на душу действуют так же, как огонь на подготавливаемые metallические тела, и что они подготавливают ее и оздоравливают субстанцию ее,— так сказали мы, ибо всякое из сих деяний дает душе некую добродетель и отгоняет от нее порок, как то разъяснили мы в нашей книге «Указания наставнику и ученику»³. Сии деяния суть семена разума, которые, когда души будут упорны в деяниях тех, сделают те души разумами, а потому истинно разумющим заслуживает быть лишь тот, кто исполняет их без исключения и неустанно следует их предписаниям, подобно глаголящим (*нутақā'*), заветникам (*авсыя'*) и имамам. Всякое предписание и всякий закон, когда они соблюдены, являют силу воздействия своего на душу, пренебречь же ими пагубно, ибо в том — зло для души. Ведь в душе, поскольку она — в мире Природы, пороки проявятся скорее, чем запылает подожженная нефть, и ничто не уберезет ее, кроме Закона и его установлений. А потому кто придерживается предписанного, упражняя душу свою под сим бременем, тот воистину брат наш; находит он усладу в душе своей, всякий макам по правде занимая. А кто отклоняется от них, исполняя одно и забывая другое или пренебрегая всем, тот вредит лишь самому себе: поступит с ним Бог как должно поступить, а Его расчет — скорый. Пусть же читатель сей книги сам заглянет в душу свою, и да примет он мой совет: я ему добрый советчик; и да сохранит Бог меня и всех верующих.

УЛИЦА ВТОРАЯ

О долженствующей предосторожности при чтении религиозных книг и выборе учителей и об определении настоящей книги

Поскольку в начале бытия своего душа лишена всяких форм и, не имея знаний, кои суть формы сущего, подобна чистому листу белой бумаги, на котором ничто не начертано и нет на нем форм познаваемого, и поскольку Всевышний дал ей учителей, святых угодников Своих из числа пророков, заветников и премудрых имамов (да пребудет с ними благословение Божье!), дабы они высекали на ней знаки единобожия и знания границ Его и, вверяя ей сии формы, приводили бы ее к актуальности и ступени совершенства, и поскольку бесы многочисленны, и все они сочиняли книги соответственно взглядам и потребностям своим, считая себя людьми Божьими, как то передают со слов пророка (да благословит и приветствует его Бог!), что Сатана (да проклянет его Бог!), представляясь людям в наряде ученых, уводит их на ложный путь,— пророк имел в виду перечашших приказанию и законам его и ослушающихся тех, кто его замещает,— постольку верующему рабу Божьему, устремленному к светлому лику Его, надлежит соблюдать осторожность при чтении религиозных книг и выборе учителей веры, дабы читал он речи только тех, кого установил Всевышний научать, и дабы не следовал он за теми учителями, кои не от Бога, Господа миров. Таковые учителя могут навязать ему предводительство, что им не принадлежит, сделать его своим рабом и отвратить от истинного пути, скрыв от него подлинные доказательства единобожия. Ведь никто не имеет права учить кого-либо любым вопросам религии, обрядов поклонения, веры и истинного знания, не имея на то приказания того, кто замещает пророка (да благословит и приветствует его Бог!), а именно имама и к нему примыкающих. Сделав же так, он преступит пределы предписанного и превратится в блуждающего тропами противоречий и отступничества. Тогда никак нельзя внимать его словам, дабы от научения его не запечатлеть бы того, что противоречит Божьей вере и ведет к гибели, ибо от полученного трудно избавиться. Ведь не тронутые религией души присмлют всякое, ибо томятся по всему, что может сделаться

их формой, будь то истина или ложь: они не противятся принятию, как лист бумаги без сопротивления принимает все, что на нем ни напишут, будь то имя или рассказ, а может быть, и утверждение единобожия и все, что приносит счастье, — в этом между душой и листом бумаги нет различия.

Коль скоро не имеющая познаний душа томится по любой форме знаний, а без разбора алчущие мирских благ бесы и заблудшие столь многочисленны, как мы показали, то стремящийся очистить душу и прочесть что-либо должен соблюдать осторожность и брать в руки книги лишь того сочинителя, о котором хорошо известно, что он следует святым угодникам Божиим, приставленным к наукам, книги лишь таких людей, коих благочестие, религиозность и связь с угодниками Божиими (да благословит их Бог!) ему ведомы. Одним словом, он должен читать лишь такие книги, содержание которых доказывается равновесностью и соответствием творению Всевышнего (что для исповедующих веру есть истинное мерило) и которые утверждают оба поклонения: поклонение действием, в соответствии с начертаниями Закона, и поклонение знанием, чрез знание Божьих границ и знаков религии Его.

Надо ему усвоить при этом, что когда в душе отпечатываются какие-либо знания, то она мнит, что сие и есть правильное и верное, именно то, что следует исповедовать, — и начинает в это верить; в сем душа подобна нагому человеку, который, дабы прикрыть наготу свою, не задумываясь наденет любое платье — поношенное или новое, хорошее или плохое. И вот то, что он услышит, примет и запечатлеет в своей душе, занимает в ней прочное место, и уж другое примет она не столь быстро, как приняла первое; если ж первая из принятых ею форм — ложная, то, придерживаясь ее, будет противиться она принятию истинного и погибнет. Также должен читатель постичь, что легче всего ему впасть в заблуждение, если он доверчив к людям и подражает им, не требуя от них всегда и во всем ясного доказательства их прямоты и честности: не следует принимать того, что ведет к забвению предписанного и презрению установлений Всевышнего. Сочинителю же книги надлежит ясно определить отличительные черты ее и то, как она соотносится со всем прочим (о чем мы говорили), дабы не была та книга причислена к подозрительным.

Поскольку в предыдущих наших книгах и трактатах обещали мы порадовать читателя книгой сей, то должны ясно определить, какова она, дабы читатель (который найдет в ней изложенное подкрепленным доказательствами уравновешенности и соответствия, устанавливающими обязательность обоих поклонений: знанием и действием) скорее привязался к ней и бережно берег ее ото всех, кто не принадлежит к числу наших добрых братьев.

Итак, назвали мы книгу сию «Успокоение разума», ибо содержит она то знание, по коему томятся потенциальные разумы, в обретении же оно находят свое отдохновение; книга сия — подать с достоинства нашего, полученного чрез благодать наместника Божьего на земле Его (да благословит и приветствует его Бог!), когда поддержал он нас своею силой, каковую подать мы с благодарностью приносим в помощь нашим подлинным братьям. Написана сия книга Хамид ад-Дином Ахмедом бен Абдалла, проповедником в Ираке и к нему прилегающих землях со стороны имама аль-Хакима, повелителя правоверных (да благословит и приветствует его Бог!), о коем письменно свидетельствовали заместители пророка (да благословит и приветствует его Бог!), как мы то показали в наши книги «Светочи имама-та», «Уста благовестящие», «Достоверный трактат» и «Указания наставнику и ученику». Была написана она в 411 году¹ в Ираке, а помимо нее ее автору принадлежат трактаты и книги, приведенные в нашем «Каталоге». Да примет читатель сей книги наставничество со стороны наместника Божьего на земле Его (да благословит и приветствует его Бог!), и да ответствует он исполнением предписанного обещания; пусть станет он добрым верующим, и да взойдет солнце веры его неомраченным, да исполнится обет Божий для ему подобных, в сей книге изложенное запечатлевших, и да не отстанет он, и да вспомнит нас призывом и молитвой до того, как присоединится ко всем, ведь он придет к нам; и да потрудится он ради укрепления себя и нас, и да ответствует (а прибывающих ждут всевечно, и лучший запас² — благочестие); да соберет нас Бог с имамами благочестивыми в обителище Святости и да ниспошлет нам и всем верующим во благо обителища дольного и обителища загробного благодать и милость Свою.

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О книгах, которые должно прочесть прежде сей книги, и о том, что следует выбрать в них для вдумчивого размышления

Мы скажем: среди произведенных сущих вещей всякая имеет свой порядок и устройство; а порядок поклонения, приносящего вечное счастье, к которому и призывают имамы (да благословит и приветствует их Бог!), обратен порядку природному, так что первое по природному порядку идет последним по порядку поклонения, и наоборот. Например, Сотворенные и Эманационные Разумы по природному порядку — начальные, а по порядку поклонения — конечные, а сенсительное сущее по природному порядку — конечное, а по порядку поклонения — начальное. Это потому, что, поскольку бытие души является конечным, то к познанию изначально-сущих она поднимается с конца: сначала познает она то, что близко от нее и рядом с ней, а затем поднимает вверх к первому пределу, пока не охватит разом всё сущее. Если же она нарушит этот порядок следования тропами двух поклонений и поиска двух счастливых, тяжело ей будет избавиться от тенет печали и муки; не избежать ей сомнений и колебаний, когда не в состоянии будет она овладеть формами тех вещей, что познаются только после им предшествующих. Например, интеллигительное, а также не[материальные] формы небесных границ нельзя познать, не познав сначала сенсительного и границ земных ¹ и тем не проложив дорогу к познанию первых, — а кто попытается сделать иначе, получит одни сомнения и колебания. Если ж он сначала познает сенсительное и земные границы и степени оных, легким и достижимым станет познание за сим стоящего интеллигительного и небесных границ. Ведь формы сенсительного скорее запечатлеваются в душе, чем формы интеллигительного, ибо те (я имею в виду сенсительные) ей ближе и суть посредники на пути ее восхождения к высшим ступеням познания. Посему начинает душа уразумевать лишь тогда, когда обретет формы сенсительного, которые ей ближе, нежели интеллигительное: ведь бытие глаголящей души связано с ней предшествующим бытием души чувственной, а бытие души чувственной — с ней предшествующим бытием души растительной ².

Коль скоро это так, и формами сенсительного душа овладевает раньше, хотя в бытии они расположены дальше, и коль скоро это имеет отношение к тем двум поклонениям, что приносят душе спасение и совершенство, а о каждом из них есть написанные людьми книги, то приступать к сей книге следует, лишь прочитав те вероисповедные книги, которые ближе к пониманию и могут служить пролегоменами к тем начальным принципам и конечным положениям, о коих мы ведем здесь речь. К ним относятся Книга Всевышнего, раскрывающая науки, мудрость и формы религии, а также причину, по которой души движутся к своей загробной жизни. Среди книг, повествующих о явном поклонении действием, — «Книга чистоты» кади Нумана бен Мухаммеда, а также «Устои [ислама]» и «Сжатое изложение». Сюда же относятся «Походы», «Разъяснение вестей», «Достохвальное и порицаемое». Среди книг о толковании, охватывающем скрытое поклонение знанием, — «Толкование шариата» со слов владыки имама аль-Муизза ли-Диниллаха ³ (да благословит его Бог!), а также книги Джафара бен Мансура аль-Йемена и других шейхов, чья праведность известна, — таких, как Абу Хатим ар-Рази, Мухаммед бен Ахмед ан-Нахшаби, Абу Якуб ас-Саджази ⁴ (да дарует им Бог высокую ступень в вечном пристанище!). Из наших же сочинений следует прежде сей книги прочесть в первую очередь «Указания наставнику и ученику», затем «Приметы веры», «Светозарное [доказательство] имамата», «Сады» (книга сия выносит суждение относительно спора между шейхами Абу Хатимом ар-Рази и Абу Якубом ас-Саджази, которые разошлись во мнениях в своих сочинениях — первому принадлежит «Исправление», а второму — «Победа»); а из наших трактатов по божественным наукам — «Светоносный трактат», «Луга и сады» ⁵ и прочие трактаты в том порядке, как они обозначены в нашем «Каталоге».

Овладев всем, что в этих сочинениях изложено, читатель подготовится к пониманию и сей книги, так что не останется в ней ничего для него неясного, а душа его станет как воск, размягченный жаром и готовый принять след от печати. Пусть он всегда держит в поле зрения «Сады» во всем, что связано с настоящей книгой, ибо там изложенное будет ему в помощь и даст силы правильно запечатлеть то, в чем он заблуждался; и пусть не успокаивается он, прочитав их раз, или десять, или двадцать, и даже пятьдесят: содер-

жание той книги должно стать сохраняемой в его душе формой. Затем надлежит ему прочесть наш трактат «Единственный о потустороннем»⁶, в котором рассказывается о превознесении (*тақдîс*): он превозносит Всевышнего в Его уединенности.

И если будет у читателя добрый товарищ и правдивый друг, то в том ему великая благодать. Пусть сосредоточится он на должествующих двух поклонениях и ждет ухода [из мира] и присоединения к своим предшественникам, благородным братьям, в вечности обитающим, нас же поминает в призывах и испрашивает нам милосердия по воле Божьей. И пусть поймет он, что пренебречь сими наставлениями и сделать не так, как я сказал,— значит поступить себе же во вред: настоящая книга вкупе с теми подобна противоядию, что дает здоровье и обещает доброе воздаяние, а одна она (без тех книг) подобна яду, что повергает в муки и ведет к гибели. Прими же, читатель, с легкой душой все, что я сказал, и сделай именно так: «я тебе добрый советчик. Да ниспошлет Бог (а нет бога кроме Него!) мне и общине верующих благодать; лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, с какой целью устроены кварталы и улицы сей книги

Поскольку цель сей книги — изложить науку единобожия, которая дарует душе вечное пребывание и совершенство и чрез усвоение форм которой обретает она всевечную неизменность (*тасармуд*) и красоту, а сия наука единобожия — из рода таких целокупных вещей, которые обнимают многое и лишь посредством такой целокупности могут иметься в душе, и даже более того — такая целокупность, в которую вливаются вообще все науки, и поскольку мы и нам подобные из числа последователей¹ не имеем возможности сказать о целокупном целокупно, так, чтобы одновременно исчерпывающе указать и на частичное, ибо это — степень того, кто сам по себе является целокупным (подобно глаголющему, что относился к числу целокупного, обнимая земных границ своего цикла, так что дано было ему могущество

над ними, и объединил в одном высказывании всё сущее в его целокупности, сказав: «Нет бога, кроме Бога», каковое речение, если положить его на одну чашу весов,— а так передают о том с его слов — да благословит Бог его и род его! — на другую же — все вещи, то его чаша перетянет, ибо оно указывает на ту волю, их [создавшую], что выше их),— постольку нам пришлось здесь пространно говорить о целокупном, раскрывая части его, коими и составляется его целокупность, дабы, исчерпывающе осветив каждую из них, тем объять и всю целокупность. Так же и человек, когда не в силах целиком нести ношу, переносит ее по частям, а перенес все, охватит тем самым всю ношу и всю ее целокупно перенесет. Для этой цели и выстроили мы кварталы, которые суть части целого, а в каждом квартале — улицы, которые кварталом объединяются, так, чтобы вкупе они охватывали необходимое познание единобожия, первоначал и конечных целей сущего, и получили как бы соборный град, который, собрав свое содержимое, ни в чем другом нужды не имеет, поскольку любое, что в нем есть, удовлетворяет нужду любого другого.

Лучшее из сочинений — то, что по структуре своей согласуется с сим божественным творением, где течет наша жизнь, с великим устроением его небес и земли, со всеми в нем имеющимися сущими вещами. Вот и мы книгу нашу хотели устроить в соответствии с небесными телами, а потому разбили ее на семь кварталов по числу планет, на телесные порождения влияющих, коим в вероисповедании соответствуют чрез истолкование светочи Божьи, предержатели семи циклов, влияющие на душевные порождения; улиц же в кварталах устроили мы сорок девять по числу всех небесных сфер, малых и больших, приводящих в движение под ними сущие тела, каковым сферам в вероисповедании соответствуют чрез истолкование исполненные границы веры Божьей и имамы, движущие души к поклонению и запечатлению форм,— и сверх того еще семь улиц, дабы стало их число точно равно числу наших сочинений,— ведь все они вместе подобны воздвигнутому миру, являющему соотношенность и соразмеренность, которые собирают воедино многие души, так что они суть единое, с одной стороны, и множественное, с другой. Мы это показали в трактате «Единственный [о потустороннем]» и в «Ка-

талог», указав на содержащийся в них родник и его источник — приют откровения.

А нужно все это для того, «чтобы обладатели Книги достигли уверенности, укрепились в вере верующие и исчезли сомнения обладателей Книги и верующих»², дабы затем они еще прилежней читали ее, прибегали к ней и действовали по ней, дабы всячески стремились снискать добродетель знанием и действием, уверенные в уготованной им высокой близости к Милосердному Господу, зная, что предшествовавшие им братья с радостью ожидают их прибытия. Ведь душа, поднимаясь к ступени совершенства чрез поклонение Господу своему знанием и действием, ищет вечного пребывания в благодати, усладе и покое, пребывание же обретает она, привязавшись к пребывающему и оборонившись вечным, каковое и сохраняет ее бытие; а привязывается она, когда обнимает все степени сущего, запечатлевая его формы³. Такой всеохват приносит душе пребывание и покой, когда соединяет она два поклонения воедино, блюдет их и их тропами покидает дольную жизнь свою.

Настоящая книга наша содержит все то, что необходимо душе для обретения вечного блаженства и успокоения в загробном мире, для перехода от ступени душ к ступени второго воскресения⁴, которая среди сущего соответствует Разумам царства Творения. Назвали мы ее «Успокоение разума», так пусть же обретет счастье читатель ее, пройдя до конца тот путь, на который мы его направим, и да будет известно ему, что хотим мы ему блага столь же, сколь и себе (а вождь всегда правдив с народом своим). И пусть укрепитесь он в благочестии, ведь в руках у него великая книга. И как только вознесет молитвы свои и первые слова прославления, пусть и нас одаряет благословением и молится о ниспослании нам милости. Если он воистину брат наш, то пусть примкнет к нам на нашем пути, пути веры и поклонения Всевышнему — и да будет встреча на святой земле, да соберет нас Бог воедино с общиной верующих в обителище вечности, и да ниспошлет Великий Бог милость мне и им: лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ПЯТАЯ

Добрая весть о спасении и блаженстве в обителище вечности и пребывания для тех почитателей Всевышнего из общины истинной веры, которые читают настоящую книгу как вероисповедную, порядок следования путями поклонения устанавливающую

Мы скажем: поскольку не может существовать то, бытие чего связано с бытием ему предшествующего, если оно раньше не получит бытия, и поскольку достижение душою совершенства, просветление субстанции ее, обретение вечного пребывания и услады в обителище Святости чрез истинное запечатление в поклонении знанием форм того, что идет в бытии прежде нее, связано с предсуществованием поклонения действием, которое исправляет самость души, удаляет с нее природные пятна и темень и тем прекращает их действие, и поскольку существование всего изложенного в настоящей книге, того, что приносит душе совершенство, просветление, пребывание и усладу и дает ей укрепиться (*та'ақкуль*)¹ в прибежище вечных поддерживающих причин, наслаждаясь непреходящим счастьем, что дарует ей вечную форму, связано с предсуществованием поклонения действием,— то читателю нашей книги, коли он воистину брат наш и идет вероисповедным путем, исполняя установленное ему Богом, мы скажем, что он должен прежде укрепить душу свою явным поклонением, то есть действием, очистить ее сим поклонением и приучить ко всем обстоятельствам и условиям его, твердо выполняя все его установления. Он должен отлить душу свою по форме благородных норм Закона, кои суть обряды и церемонии явного поклонения, сделать члены тела своего и силы своей души послушными религиозным предписаниям, поглощенными выполнением законоустановлений, дабы единственной целью и заботой его стало выполнение обязанностей и соблюдение законов, послушание и исполнение, дабы не слетало с языка его ничего, кроме слов правды и благочестия; дабы стремился он только к тому, чтобы посещать мечеть для молитвы и превознесения, черпать доброе и полезное знание, не скупился на добрые дела и святые слова, дабы в плоть и кровь его вошли добродетельные

привычки, обязательные в общине, дабы приобретал он благие черты по велению законов и установлений ее и избегал всего греховного, в пропасть тьмы душу его ввергающего; дабы познал он радость озарения (*шиф'ақ*) субстанции и просветления души (*любб*) своей, когда становится он единой формой, в которой распространились добродетели и накрепко к вечным первоначалам ее, им подобную, привязывают.

Тогда исполняется обещание водителя ведомым, тогда, разлучаясь, становится душа чистым разумом, безбрежного простора достигает, вместе с приближенными ангелами над землей царства Творения воспаряет; тогда окажется она на чудесном лугу среди цветов его, в раю познает блаженство, вечную жизнь, непреходящее счастье, святые светы и, сверх улады природной, которой наслаждается чувственная душа, и сверх того, что питает души растительные в утробах матерей, вкусит столько же улады, — только сия улада выше, благороднее, блистательней и тоньше; все это постольку, поскольку заложил он добрые посевы в прошедшие дни и укрепился благочестием в горниле испытаний.

Затем познает он радость вкушения прелестей, блаженства и благодати в Воздвигнутом Граде, где нашли приют туда раньше пришедшие, ему подобные избранные приверженцы пути вероисповедного; а воздвигли его в прошедшие века сами собой и из самих себя пророки, заветники и добродетельные имамы, а также их последователи умелыми руками и точным глазом. В Граде том семь ворот; из каждого ворот дорога ведет ко дворцу, созданному из света; тот дворец необъятен: в нем журчит родник, в нем устроены лежа, уж расставлены кубки, пол устлан коврами, убран мягкими подушками; в нем прохладный сад, в том саду — пальмы и гранат, и виноград, и все Богом сотворенные божественные плоды, дарующие непреходящую уладу. В том дворце — «залы, а над ними — другие»², из светов Святости возведенные; здесь пристанище душ: в каждой зале двенадцать лож, в каждой ложе ангелов эманаций не сосчитать, улад же и благостей и ангельских песнопений, дивных мелодий восславлений и гимнов ни взором не охватить, ни единым ухом всех не расслышать, ни представить человеку³, озаренному солнцем царства Творения и луной эманации. Здесь возрадуется он, встретив радостный прием приближенных эманационных ангелов и душ, очистивших-

ся от мира Природы, а затем возликует, осиянный вместе с ними миром второго воскресения, обретя счастье вблизи Творца и пророков, под сенью заветников, в обществе добродетельных имамов, вместе с велеокими, чернозеничными на веки вечные и на все времена. Встретив все это, подобен будет человеку, узревшему любимую, достигшему желанного, соединившемуся с возлюбленной, когда проходит по нему дрожь радостного ликования.

Да будет известно это все читателю: сказал я только правду, и все это есть на самом деле. Пусть же выполнит он все условия, прежде чем читать сию книгу, дабы не получил обратное желанному; а я ему — добрый советчик и прошу Великого Бога ниспослать милость мне и ему и общине верующих: лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

Извещение о вечных лютых муках (да удалит их от нас Бог!) для тех, кто читает настоящую книгу не как вероисповедную и порядок поклонения устанавливающую, кто не считает необходимым [поклонение] действием и не усердствует в исправлении души

Ко всему ведет своя дорога; дорога к раю и обретению блаженства есть поклонение. Сие поклонение двояко: поклонение действием и поклонение знанием. Когда вступают на дорогу к раю, то начинают с поклонения действием: оно исправляет душу и упражняет ее в приобретании нравственных добродетелей; а нравственные добродетели подобны материи для добродетелей формальных¹, которые доставляет душе другое поклонение, а именно — поклонение знанием. В настоящей книге изложили мы то, что связано с поклонением знанием; а потому тот, кто приступает к ее чтению не исправив душу свою упражнениями и не отдавшись всецело поклонению, не удалив с нее природных пятен, кто не заботился о религиозном долге и поклонении Господу своему, как говорил о том пророк (да благословит Бог его и его род!), кто не обрел твердую от постоянного повторения привычку к исполнению обетов и предписаний, чьи нравы не улучшены богопочитанием и вероисповедани-

ем, кто не практиковал честность и искренность и к тому же, прочитав книгу сию, не наверстает упущенного покаянием пред Всевышним и исполнением обрядов поклонения, тот, бывши неусердным, превратится в нуждающегося в спасительной помощи, потому как презрел поклонение Господу своему по законам общины истинной веры. Самоуспокоится он, прекратив поклонение и думая, будто знание без действия спасет его, и тем самым погрязнет в неповиновении и смертных грехах. Да будет ему известно: опьяненный этим мнением, познает он тяжкое похмелье и раскаяние и будет во веки вечные исторгать скорбные вопли и плач.

Да будет ему известно, что душа его, постигая сии ясные божественные знаки, приобретает тем самым форму, связующую ее с небесными звездами и вне[природными] Разумами, и чрез это становится вечно пребывающей. И она же, когда прекращает поклонение, не предается исправлению своих нравов посредством Законоустановленного, думая, будто можно пренебречь частью этих обязанностей или всеми ими, в самости своей имеет иную форму, отличную от той, что дало ей постижение божественных знаний. Так становится она обладательницей двух противоположных форм: одной — поскольку запечатлела форму необходимости знания и стала самодостаточной чрез познанное: сия форма схожа с формой ангелов, превозносящих Господа своего; и другой — поскольку запечатлела, что допустимо оставить действие и не испытывать в нем нужды: сия форма схожа с формой скотины и зверья, Господу своему не поклоняющегося. Та форма, которую душа приобретает благодаря познанию границ, сохраняет ее самость и предохраняет от гибели, другая же пребывает в ней, поскольку сама она пребывает.

Такое существование двух форм вызывает муки, — и что за муки! — такие муки, что их познавший желает только одного: от них избавиться. Но избавление медлит: ведь он уж приобщился к благу вечности и бессмертия, перейдя из разряда возможного (*имкân*) в разряд необходимого и вечно-длającego, и субстанция его терпит страдание темени и мрака. Одна из форм терзаема другой, как если сойдутся вместе два человека: один — добродетельный ученый муж, только знаний ищущий и лишь поклонению предающийся, другой — легкомысленный глупец, у которого на уме одни забавы да игры, и дел у него — лишь плясать да насмешничать. Так вот, сойдутся они в одном месте, где нет им

спасения друг от друга, и каждый для другого — источник печали и забот, и находят они друг в друге только препятствие на пути к тому, чего алчет и страждет душа каждого; тогда каждый хочет бежать от другого и спастись, но это их желание неосуществимо.

Итак, сии две формы повергают душу в бездну тьмы и ужаса; пребывает она в смятении: ни целокупной благой жизнью не живет, ни погибнуть и обрести вечный покой не может, как сказал о том Всевышний: «В ней (геенне.— А. С.) ему ни смерть, ни жизнь»². Так несет она в себе лютую муку под солнцем внеприродным, в Граде Царском, святыми светами воздвигнутом за день, что равен пятидесяти тысячам лет³, вино и молоко, мед и воду содержащем; там терпит она жестокое наказание — на голову ей лютят кипяток, пищей же ей служат одни помои; ⁴ взывает она о помощи, а на помощь придет ей только ей соответствующее. Узнает она и горечь непризнания и упреков со стороны ей же подобных, раньше ее пришедших к Водоему Каусара⁵, когда, ее завидев, они скажут: нет, не приветствуем тебя, не приветствуем. Лишь одного она тогда пожелает, чтобы не родился ей совсем на свет, ибо страдание им причинит приход ее в той форме, пороками преисполненной (ведь забвению предала она установления и приказание Всевышнего), и возрастет мука их, как возрастает жар пламени от лишнего топлива.

Итак, книга сия будет в радость и во благо тем, кто прочтет ее как вероисповедную (о том мы уже говорили), и несчастием станет для тех, кто прочтет ее иначе: есть и благо, есть и зло (да удалит его от нас Бог!); пусть же читатель, сын мира, счастья в нем ищущий, будет начеку. А может случиться, что он не верит в святость чистых имамов и в их пути поклонения Богу, Господу миров, — тогда сия книга принесет ему бессмертие и муку во веки веков. Пусть же прочитавший нашу книгу ревностен будет в поклонении, отвращает душу от Законом запрещенного, пусть, пока возможно, наверстает упущенное, дабы спастись от губельной пропасти: к чему хочу подвигнуть его, воистину полезно, а от чего предостерегаю на примере ослушавшихся, воистину имеет место, «когда земля, колеблясь, заколеблется, когда горы, рассыпаясь, рассыпятся»⁶. Пусть примет он мой добрый совет, — нами же принят будет лишь тот, кто воистину брат наш; да ниспошлет Бог нам и всем правове-

ным, грехов сторонящимся, искомое в вере нашей; а Бога Всевышнего молю о помощи и к Нему прибегаю: лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О том, сколь полезно душе для обретения совершенства чтение сей книги, усвоение ее содержания и запечатление формы ее

Мы скажем: душа имеет два совершенства. Это, во-первых, самостное бытие и, во-вторых, совершенство той самости по форме. Когда душа запечатлевает форму чего-либо вероисповедного, бывает в том для нее польза: во-первых, польза исправления ее самости, когда приобретает она благонравие и избавляется от природных пятен и тьмы; таковую пользу приносят деяния: закят, например, который, если дают его как то предписано, делает душу щедрой, или джихад (то есть радение в делах поклонения), делающий ее мужественной, или же пост, когда душа приобретает добродетели воздержанности, искренности, благочестия и надежности, а также прочие Законом установленные деяния, усердствуя в коих, приобретает душа многочисленные добродетели, как мы то показали в нашей книге «Указания наставнику и ученику»; и во-вторых, польза от запечатления в ее самости форм и укоренения ('ақль) ¹ ее в божественных первоначалах, ей в бытии предшествующих,— такую пользу приносят душе науки. Во всем этом счастье ее и обретение ступени второго совершенства, когда из не-сущей становится она сущей, из смертной — пребывающей, из неживой — живой, из запятнанной — чистой.

Нами в сей книге изложенное принадлежит к роду того, что приносит душе пользу, отпечатывая в ней формы мира Творения (*ибдā'*) и истинности (*хақā'иқ*) сущего, причащая ее к вечно-длющемуся, даруя ей разумное сияние и вечный свет, оберегая ее от превращений и изменений, ибо сие выводит ее из-под господства Природы и доставляет ей форму ангельскую; когда запечатлевает она формы всего этого и охватит все это, обретя актуальное бытие, причастившись вечности, верховному блаженству и первозданной благодати, тогда оказывается в ней все то, что есть в божествен-

ных первоначалах сущего, что были произведены первыми. Тогда самость души обнимает сама себя, ведь обнимать все это и означает для нее обнимать собственную самость, ибо самость ее — из той основы (*асль*) и той субстанции, которая и есть Творение; однако сие Творение, будучи Первым, не может не быть актуальным, между тем как субстанция души может обрести совершенство (то есть стать актуально сущей), только перейдя из потенции в акт благодаря стяжанию (*иктисāб*), ибо душа есть конечное сущее и существует она не от той соотнесенности, от которой получили бытие актуальные Разумы. Познав сии Разумы, кои суть небесные буквы ², душа приобретает их облик (*хай'а*): они делают ее такой же, как они. Так же действует и закваска на тесто: тесто в основе своей подобно закваске, будучи также из муки, однако в закваске есть то, чего нет в тесте, и она, в него попав, делает его себе подобным ³. Есть тому пример и среди металлических сенсительных вещей: серебро стоит ниже ступени золота, и доводит его до сей ступени (после того как расплавляя его жаром, дабы подготовить к принятию) в него добавляемая, от золота взятая, закваска, которая, подобно Божьему творению, делает все золотом. Таково же и то искусство, что нами изложено в трактате «Познание границ и загробной жизни»: разгадать сей символ великий праздник для обладателей того искусства и тех, кто воистину брат наш по пронизательности, уму и подвижничеству.

Пусть же читатель сей книги погрузится в размышления, пусть всякое в ней слово пробудит думы его, пусть благодать, в ней содержащаяся, запечатлевает в нем форму свою, дабы сладостными стали для него оба поклонения и практиковал он их должным образом. А нас пусть поминает в молитве всякий раз, как чтение доставит ему новую радость, и да выберет он среди множества дорог верный путь и волеется в общество следующих за имамами из рода Мухаммеда (да благословит его и их Бог!), и да запасется благочестием ⁴. Да сделает Бог нас и всех верующих благочестивыми, от страха избавленными и печали не знающими: лишь Всевышний дарует крепость и силу, и велению Божьему неизбежно сбыться; прибегаю к Нему и на Него полагаюсь: Он о рабах Своих зоркий попечитель.